

Когда сцена закончилась, сестрица Янь-эр немедленно сняла микрофон, закрепленный у нее на лбу, и помахала персоналу за кулисами:

- Тут есть холодное питье? Принесите Сянь Цаю две бутылки воды со льдом, я боюсь – у него такое красное лицо, как будто он вот-вот взорвется.

Закулисье заполнил смех.

Сянь Цай опустил голову и потер покрасневшие кончики ушей. Он был настолько смущен, что хотел забиться в какой-нибудь угол.

Руководящий музыкальный режиссер поддразнил его:

- Сянь Цай, ты так молод, неужели ты еще ни с кем не встречался? Когда тебя поцеловала наша Янь-эр, ты выглядел таким напуганным – все твои перья встопорчились!

- Да... Я кое-с-кем был, но... – Сянь Цай все еще пребывал в состоянии полного замешательства.

Только что на сцене сестрица Янь-эр поцеловала его, чтобы спасти ситуацию. Сянь Цай к такому был морально совершенно не готов и подсознательно захотел ее оттолкнуть. Однако, как только его ладони коснулись плеч партнерши, он тут же осознал, что за ним все еще наблюдают зрители, и немедленно сменил движение на объятие, не показав робости.

Поцелуй пришелся точно вовремя, поэтому он не только не вышел внезапным, но и оттенил чувства героев. Бурные аплодисменты зрителей также доказывали, что поцелуй им очень понравился.

- Ладно, в этой индустрии нормально целоваться, обниматься и прикасаться друг к другу, – сестрица Янь-эр хлопнула его по плечу. – Тебе надо иностранные драмы посмотреть – там на сцене актеры и раздеваться могут.

Она подняла руку и погладила Сянь Цая по волосам.

- Ребенок, ну почему ты такой тонкокожий? Когда я играла с моим партнером, нам приходилось целоваться в конце сцены более десятка раз. Я с тобой играю впервые, а ты так боишься, будто я тебя укушу, а не поцелую. Как же нам с тобой играть завтра и послезавтра?

Сянь Цай сел на стул. Он медленно приходил в себя.

Сестрица Янь-эр была права. Для актеров было вполне нормально вступать со своими партнерами на сцене в физический контакт. Кроме того, они играли в такой романтической и

милой драме. Зрители пришли в театр, чтобы посмотреть, как красавец-мужчина и прекрасная женщина влюбляются друг в друга, так что поцелуи, естественно, были в пределах всеобщих ожиданий.

Сянь Цай был актером, так что в том, чтобы целоваться с актрисой, играющей главную роль, не было ничего неправильного.

Но... но...

Ладонь Сянь Цая прижалась к левой стороне груди. Когда он вспомнил то выражение, которое только что видел в глазах Тань Имина, его вдруг накрыло неопишное и странное чувство. Оно немного походило на то, как ученика начальной школы заставляют публично читать свое сочинение на родительском собрании, а ему хочется найти дыру, куда можно было бы спрятаться. Однако, кроме этого, казалось, что Сянь Цая мучают невыразимые угрызения совести.

- Сестрица Янь-эр, есть вопрос, который меня очень интересует, - вдруг произнес он.

- Что за вопрос? - небрежно ответила она, снимая сетку с волос.

- Я помню, что вы замужем, верно?

- Да, мои дети ходят в детский сад!

Сянь Цай закусил губу и тихо спросил:

- Тогда если вы слишком близки со своим партнером на сцене, не будет ли ваш муж ревновать?

Сестрица Янь-эр улыбнулась. Она остановилась на минуту и посмотрела на него в зеркало:

- Сяо Сянь, ты был на сцене настолько взрослым, что я практически забыла о том, что ты - недавний выпускник. Твой вопрос такой милый.

- ...?

- Как бы правдиво не выглядела наша игра во время спектакля, на самом деле все это - фальшивка. Мы входим в эту театральную жизнь, разыгрываем сцены радости и печали, но люди на сцене - это все-таки не мы, - у сестрицы Янь-эр был богатый опыт и, конечно же, она могла легко ответить на этот вопрос.

- Это правда, что некоторые актеры слишком сближаются со своими партнерами, но они

превращают хорошее в беспорядок. Те, кто смотрит пьесу, сначала ревнуют, а потом начинают подозревать актеров в измене, и у тех, кто играет в пьесе, тоже возникает легкое чувство неправильности...

Когда Сянь Цай услышал слово «измена», у него подпрыгнуло сердце. Сестрица Янь-эр же не заметила его неестественного поведения, подмигнула и, посмеиваясь, сказала:

- Так что для таких актеров, как мы, лучше всего найти какого-нибудь...

- Актера в своем кругу? - подхватил Сянь Цай.

- А вот и нет! - сестрица Янь-эр похлопала его по бедру. - Если хочешь отношений - ищи фаната!

- ??? - сестрица, вы знаете, как называется ваше поведение в индустрии развлечений...

Гример, который слушал их разговор, потешался. Глядя на то, как Сянь Цай с виду одурел от страха, он торопливо сказал:

- Сянь Цай, сестрица Янь-эр не шутит. Ее муж - ее фанат, и не просто фанат. Он смотрел все спектакли, в которых она играла главные роли.

В отличие от кино и телевизионной индустрии отношения между фанатами и актерами в китайской театральной среде были намного теснее. У театральных актеров не было ни агентов, ни помощников, ни телохранителей. Они часто проходили за кулисы в одиночку, чтобы наложить грим, а потом сами его снимали и уходили тоже одни. Если зритель часто приходил в театр и постоянно ждал у служебного входа, присев на корточки, ему потребовалось бы сделать это всего несколько раз, чтобы произвести на актера впечатление.

- Правда, лучше всего найти себе фаната, - сестрица Янь-эр учила Сянь Цая на своем опыте. - Мой муж не только не подозревает меня в измене, но и поддерживает меня в профессии, потому что та я, в которую он изначально влюбился, это та женщина, которая блистает на сцене.

Сестрица Янь-эр погрузилась в воспоминания. Она уже много лет была замужем, но когда говорила о своем супруге, то по-прежнему выглядела по уши влюбленной девушкой.

- Я еще спросила его: когда я скажу, что по сценарию влюблена в своего партнера, ты не будешь ревновать? А он мне ответил - нет, потому что хотя зрители видели тебя в сотне разных образов, только я вижу тебя такой, какая ты есть.

.....

Каждое слово, сказанное сестрицей Янь-эр, эхом отзывалось в сознании Сянь Цая. Даже когда он вышел из театра и сел в машину Тань Имина, последняя фраза все еще вертелась у него в голове.

Дождь закончился, и ситуация на дорогах стала получше. Их внедорожник поздно ночью выехал на трассу на крейсерской скорости. Театр находился на севере города, а дом, где они жили, – на востоке.

- Почему ты молчишь? Устал? – спросил Тань Имин.

- Очень устал, – Сянь Цай повернул голову и посмотрел на него. Он увял, словно листок подорожника, разбитый проливным дождем. – Прошлым вечером я получил сообщение от продюсера, ночью собрал багаж и помчался рано утром в аэропорт. Я думал, что прибуду сюда в полдень, но из-за проливного дождя в Хуачене мне пришлось просидеть в самолете еще много времени. После приземления я бросился репетировать, попутно нанося грим... такое ощущение, что у меня в груди задержался воздух, который я не мог выдохнуть. Теперь, когда спектакль наконец-то закончился, я хочу только добраться до дома и упасть в кровать.

- Если ты устал, просто поспи в машине, сзади есть одеяло, – предусмотрительно предложил Тань Имин.

- Не надо, – Сянь Цай покачал головой. Он обнял подушку, лежавшую на переднем сиденье, и съехал по креслу вниз, как делал, когда учился в старшей школе. Свернувшись калачиком на пассажирском месте, он совсем не походил на взрослого.

- Вести машину ночью небезопасно. Я поговорю с тобой, чтобы ты не заснул.

- Такой внимательный? – Тань Имин поднял бровь.

- Конечно, я внимательный, – торжествуя заявил Сянь Цай. – Нет актрисы, которая со мной работала, и которой я не нравился. Они все говорят, что я веду себя очень по-джентльменски.

- О? – бросил Тань Имин. – Сестрица Янь-эр тоже так сказала?

- ...

И ради него я не лег спать, подумал Сянь Цай.

Тань Имин остановился и больше спрашивать не стал. Во-первых, Сянь Цай был актером, и все виды взаимодействий между ним и актрисой, игравшей главную роль, были оправданы, а во-вторых... Он был хозяином жилья и не имел права ревновать своего арендатора.

Тань Имин обнаружил, что ведет себя странно. Он, без сомнения, был тридцатилетним взрослым мужчиной, но весь день переживал эмоциональные взлеты и падения, связанные с маленьким предком, который сидел рядом с ним.

Сянь Цай молчал, а его пальцы, спрятанные под сиденьем, постукивали по швам. Он посмотрел на выражение лица Тань Имина и необъяснимым образом почувствовал себя очень счастливым.

В этот момент у него зазвонил телефон: это было сообщение от Чэнь Цзыжанья.

Гений лица Чэнь Цзыжань: Приятель, я только что закончил играть, а ты?

guess: Только что вышел из театра, что случилось?

Гений лица Чэнь Цзыжань: Ты получил цветы, которые я попросил своего ассистента тебе прислать?

guess: [Гусь в шоке].jpg

guess: Какого ты опять столько денег потратил?!

Гений лица Чэнь Цзыжань: Сколько раз мне тебе повторять: не используй бедняцкий доход актеров музыкального театра, чтобы измерять глубину карманов популярного актера!

guess: ...

Гений лица Чэнь Цзыжань: Давай, встань на колени!

Когда Сянь Цай уходил из театра, он пошел прямо через служебный выход, не заходя в холл и, естественно, так и не увидел привлекающий внимание цветочный стенд, который Чэнь Цзыжань отправил ему для поддержки. Чувствуя себя слегка виноватым, он повернул голову и спросил Тань Имина, не видел ли тот цветы.

- Я видел и фото сделал, - ответил Тань Имин.

Ему было неудобно, так как он вел машину, и поэтому Тань Имин вытащил телефон из кармана и передал Сянь Цаю. Сянь Цай вдруг почувствовал прилив жара: он вот так просто получил в

руки телефон этого мужчины. Тань Имин же не думал, что тут что-то не так, и без утайки назвал Сянь Цаю пароль от своего телефона.

Пароль представлял собой четырехзначное число, очень знакомое Сянь Цаю.

- Это же не...

- Твоя арендная плата, - ответил Тань Имин, даже не покраснев. - Я установил ее как пароль, чтобы не забывать брать с тебя деньги каждый месяц.

Он не знал, кого пытался обмануть этим ответом.

На телефоне открылась основная страница. Как только загорелся экран, Сянь Цай был потрясен выскочившим ярко-красным символом 99+. Излишне говорить, что у WeChat, QQ, электронной почты и даже таких приложений, как Alipay, Are You Hungry, AutoNavi Maps и Youdao Dictionary - у иконок всех этих программ в углу висели красные уведомления.

Сянь Цай никогда не видел в родной стране таких великолепных пейзажей, как эти красные горы и реки, и дрожащим голосом спросил Тань Имина:

- Ты что, никогда не нажимал на них, чтобы посмотреть?

- Это все push-уведомления, мне лень их открывать, - смущенно пояснил тот.

- Тогда просто отключи фоновую переадресацию.

- ...Я не знаю, как ее выключить, - Тань Имин кашлянул и виновато сказал. - Я посмотрю, как отключить уведомления, когда у меня будет время.

Сянь Цай посмотрел на Тань Имина, а потом - на его мобильный телефон. Он подумал, что Тань Имин обычно создавал впечатление способного и аккуратного человека, все в его доме было опрятным и лежало на своих местах. Он не ожидал, что у того окажется вот такая «эклектичная» сторона. И эта личная привычка не была известна никому другому...

Слова, сказанные сестрицей Янь-эр, снова прозвучали в сознании Сянь Цая, из-за чего всю остальную дорогу его голова оставалась пустой. Он держал мобильник Тань Имина и машинально двигал пальцами, то увеличивая, то уменьшая фото корзины с цветами, но на самом деле он даже не заметил, какого цвета были бутоны.

Ну а Тань Имин, конечно же, не знал, где блуждали мысли Сянь Цая. Он только видел, как тот смотрел на фото больше десяти минут, и почувствовал, как внутри у него стало кисло. Значит, Сянь Цаю так сильно понравились эти цветы...

.....

Машина въехала в подвал жилого комплекса. Сянь Цай выскочил из автомобиля и ждал, пока Тань Имин его закроет.

- Кстати, а где мой багаж? - на этот раз Сянь Цай приехал только с одним большим рюкзаком, в котором лежало все необходимое. Его нелегко было тащить за кулисы, поэтому Сянь Цай оставил вещи в машине.

- Я положил его в багажник, - небрежно ответил Тань Имин.

Как только он это произнес, то тут же вспомнил, что в багажнике все еще лежал тот двусмысленный букет белых роз. Он торопливо пошел к машине, желая отправить Сянь Цая к лифту.

- Цайцай, не жди меня, поднимайся первым, я возьму твой рюкзак.

Такая чрезмерная забота, естественно, вызвала у Сянь Цая подозрения.

- У меня есть руки и ноги, я могу и сам забрать свои вещи.

- Нет-нет, ты, должно быть, сильно устал после спектакля. Иди и подожди лифт.

Сянь Цай все больше убеждался в том, что Тань Имин ведет себя странно.

- Я отдохнул после долгой поездки, а в рюкзаке всего несколько смен одежды, я сам справлюсь.

- Не двигайся! - в спешке Тань Имину было наплевать, насколько резким казалось его поведение. - Я сейчас подойду!

Видя его настойчивость, Сянь Цай на время подавил странное чувство в сердце и уступил:

- ...Хорошо, я понял, ты быстро его заберешь. Я пойду и подожду тебя.

С этими словами он повернулся и пошел к лифту. Тань Имин встал у багажника и вздохнул с облегчением. Однако, еще до того, как его замирающее сердце смогло успокоиться, Сянь Цай неожиданно обернулся, гибко вытянул руку и выхватил из ладони Тань Имина ключ от машины. Тань Имин неосторожно выпустил ключ и, прежде чем он успел среагировать, Сянь Цай уже нажал кнопку открытия на центральном замке.

Один звуковой сигнал - и дверца багажника поднялась.

Желтый свет хлынул сверху вниз, осветив весь отсек целиком. Там лежало много вещей - черный рюкзак Сянь Цая, запасной костюм Тань Имина... А еще там лежал букет роз, который весь путь трясся в багажнике без свежего воздуха, но все равно сохранил свою нежность и элегантность.

Аромат роз тут же донесся до них, деспотично затопляя дыхание.

Сянь Цай тупо смотрел на букет белых роз, подозревая, что спит и видит сон.

- Это?.. - тихо и недоверчиво спросил он.

- Это... это... - Тань Имин ломал голову, пытаясь придумать объяснение. - Завтра день рождения коммерческого директора моей компании. Это сюрприз, который я делаю ей от имени все студии.

Все звучало разумно и убедительно.

Однако, словно смеясь над его ложью, из букета вместе со сломанным цветком выпала розовая поздравительная открытка.

Сянь Цай рефлекторно поймал открытку, сделал глубокий вдох и медленно ее открыл.

Цайцай,

Свет принадлежит тебе,

Сцена принадлежит тебе,

Все аплодисменты - твои,

И я тоже весь твой

- твой первый фанат, Тань Имин.

Текст, который своей рукой написал этот человек, выглядел энергичным и мощным. Он состоял всего лишь из нескольких десятков символов, но Сянь Цай читал их очень, очень долго.

Это выглядело так, словно он не узнал написанные иероглифы, но отчаянно распахнул глаза, пытаясь удержать каждый символ в памяти. Это было самое откровенное и прямое признание, которое Сянь Цай выдел в своей жизни.

Он хотел сказать очень много слов, но те слова с открытки заполнили ему грудь, медленно, медленно просочились и потихоньку заливали все его сердце целиком.

Сянь Цай молча закрыл открытку и посмотрел на стоявшего перед ним человека. Неожиданно он заметил, что на лице Тань Имина застыло такое выражение, будто тот был настолько взволнован, что забыл, как дышать.

Именно это слегка «глупое» выражение лица внезапно позабавило Сянь Цая. Он позволил тем словам растечься по своему сердцу.

Зачем слишком много думать в такой момент?

Он взял сломанную белую розу и своими гибкими тонкими пальцами аккуратно засунул стебель цветка в нагрудный карман пиджака Тань Имина. Лепестки белой розы, слоями перекрывающие друг друга, распускались в петлице.

- Спасибо тебе за твою фанатскую любовь, - Сянь Цай бережно спрятал открытку. - Я принимаю твой подарок.

Автору есть, что сказать.

Не знаю, помните ли вы, но в прошлой редакции я написала, что этот роман можно было бы назвать «Как фанат может получить своего кумира»~

Я надеюсь, что пока Цайцай гоняется за Старинной Танем, Старина Тань тоже гоняется за Цайцаем. Они поклоняются друг другу, они одержимы друг другом, они - фанат и кумир друг для друга.

<http://bllate.org/book/13905/1225524>